



УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИММАНЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА

А. Х. Сукиасян, О. Г. Евстифеева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
(Волгоградский филиал)
E-mail: satha@inbox.ru

В статье авторы рассматривают политическую культуру как имманентный механизм институционализации социальной ответственности бизнес-сообщества. Роль политической культуры также состоит в снижении стохастичности (случайности, непредсказуемости) политических процессов и рисков. Особенности политической культуры формируют специфическую модель социальной ответственности бизнеса. основополагающими чертами современной российской политической культуры являются партикуляризм и аскриптивность. Поэтому российская деловая культура является отношенческой, т. е. характеризуется высокой ролью личного фактора, порой даже преобладанием «личного над профессиональным», значительно «связей и знакомств». Как результат, значительный диапазон накопившихся социокультурных изменений, которые не соответствуют уровню институционального развития. Более того, транзитный тип политической культуры обуславливает устойчиво-незавершенный характер институционализации социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: политическая власть, бизнес-сообщество, заинтересованные группы, нуминозность, институциональный, условие, социокультурный раскол, социальная ответственность.

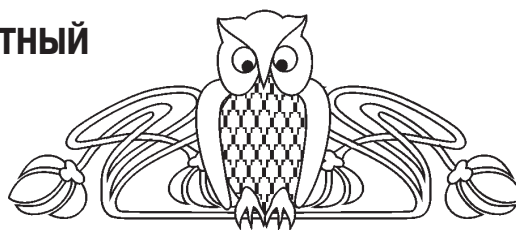
Political Culture is as an Immanent Mechanism Institutionalization Social Responsibility Business Community

A. Kh. Sukiasyan, O. G. Evstifeeva

In article the author examines the political culture as an inherent mechanism for institutionalizing social responsibility the business community. The role of political culture is also to reduce the stochasticity (randomness, unpredictability) of political processes and risks. Features of the political culture of form-specific model of corporate social responsibility. Fundamental characteristics of contemporary Russian political culture is particularism and ascription. Therefore, the Russian business culture is relational, i.e., characterized by high role of personal factors, and sometimes even dominated by «the personal over the professional» considerably «relationships and dating». As a result, a significant range of accumulated social and cultural changes that do not correspond to the level of institutional development. Moreover, transitory type of political culture determines the steady-incompleteness of the institutionalization of social responsibility.

Key words: political power, business community, stakeholders, numinous, institutional, condition, socio-cultural divisions, social responsibility.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-92-97



Институционализация социальной ответственности бизнес-сообщества неотделима от конкретной социокультурной матрицы, которая определяет константу равновесия в гетерогенной институциональной среде. Институциональная система включает в себя такие уровни, как формальные правила, которые фиксируются в нормативно-правовых актах; неформальные правила, представляющие собой социальные нормы; и третий уровень – культура. Уровни институциональной системы преобразуются с разными темпами. Наибольшей инертностью характеризуется третий уровень. Процесс институционализации социальной ответственности не существует как самостоятельный феномен, но всегда детерминирован набором инструментальных и терминальных ценностей, которые господствуют в конкретной культурной среде. Поэтому не существуют отдельно, сами по себе социально-политические, экономические превосходства. Они всегда часть и следствие культурного доминирования. Поскольку в России государство, находясь на оси порядка и изменения, согласно А. Турену¹, обуславливает контуры институциональной среды, то целесообразным представляется именно анализ политической культуры.

Концепция политической культуры позволяет более глубоко исследовать мотивацию акторов политического поведения, выявить причины кризисов политического развития: кризисы идентичности и легитимности, перераспределение ресурсов и т. д., что позволяет преодолеть узость понятийно-категориального аппарата институционального анализа в политических исследованиях, который не эксплицирует должным образом феномен «трансцендентности институтов» – способность институтов функционировать в разных социокультурных контекстах, т. е. одинаковые по форме социальные институты и их деривативы действуют совершенно по-разному. Концепции политической культуры включают в себя своеобразный аксиологический каркас, позволяющий глубже исследовать мотивацию политического поведения, выявить причины дивергенции между значительным диапазоном накопившихся социокультурных изменений и несоответствующим уровнем институционального развития.

Следовательно, при становлении института следует учитывать социокультурные характери-



стики общества во избежание функционального вакуума. Данное обстоятельство требует выхода за рамки институциональных представлений об обществе и кооперации с представителями, в первую очередь, социокультурного подхода. На это обстоятельство указывает Д. Ф. Тюрин, считая, что у этих подходов есть общее проблемное поле и основание теоретических предпосылок². Если институциональный подход выявляет устойчивые микро- и макроструктуры социальных взаимодействий, то социокультурный подход позволяет проанализировать исторический социокультурный процесс, соотнося контекст социальных взаимодействий с преобладающими ценностями социальных групп, общностей и общества в целом.

Основанием социальной ответственности является социальное действие, которое характеризуется преднамеренностью, мотивированностью и ориентированностью на другого (других), причем ориентация эта стандартная, а потому и ожидаемая. Наличие взаимно согласованных, разделяемых стандартов формирует не только эффект предсказуемости, но и эффект обязательности выполнения. Тем самым посредством культуры возникает обязывающая сила символов. Таким образом, взаимная откорректированность и отрегулированность, переплетение смыслов, ожиданий и поведения, основанного на взаимной ориентации³, становятся возможными благодаря принятым в обществе идеям, нормам, правилам, образцам поведения, т. е. благодаря культуре.

В науке сложились два основных подхода к трактовке политической культуры. Одни ученые отождествляют ее с субъективным содержанием политики, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Краснов и др.) и символов (Л. Диттмер). Неудивительно, что понятие «политическая культура» расценивается некоторыми из них не более чем «новый термин для старой идеи», обобщенно характеризующий субъективный контекст властно-политических отношений. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, политическая культура – особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы. Шестидесятые годы XX в. считаются периодом наивысшей популярности исследований проблем политической культуры. Важнейшим импульсом, приведшим к активным исследованиям политической культуры, стала потребность выяснения несостоятельности попытки развивающихся стран копировать западноевропейские образцы при создании собственных политических систем. Кроме того, большую роль сыграли кризисные явления в жизни развитых демократий, связанные с бурным проявлением молодежной контркультуры, усилением расовых волнений, формированием экологического движения, усилением фемин-

нистского движения, и, наконец, стала очевидной сила так называемой «четвертой власти» – средств массовой информации. Девяностые годы и «третья волна» демократизации также вызвали значительный интерес к политической культуре, так как до некоторой степени именно этот термин позволял отделить страны, предрасположенные к демократии, от стран, предрасположенных к авторитаризму. Другая группа ученых, видя в политической культуре проявление нормативных требований (С. Байт), совокупность типичных образцов поведения (Дж. Плейно), способ политической деятельности (У. Розенбаум) и т. д., считают, что это особый, специфический субъективный ракурс политики.

Наиболее последовательно такой подход выражается в понимании политической культуры как явления, базирующегося на ценностных, т. е. глубинных представлениях человека о политической власти, которые воплощаются в самых типичных для него способах взаимодействия с государством, формах практической деятельности. Характеризуя, таким образом, неразрывную связь практических действий человека с длительным и подчас мучительным поиском им своих политических идеалов, политическая культура отражает только самые устойчивые и отличительные черты его поведения, не подверженные каким-либо стремительным изменениям под воздействием конъюнктуры или перепада настроений. В силу этого политическая культура выражает воплощаемый на практике внутренний кодекс человеческого поведения и потому выступает как стиль деятельности индивида в сфере политической власти (И. Шапиро, П. Шаран). Характеризуя самые устойчивые представления человека и наиболее типичные формы его взаимоотношений с властью, стиль его политической деятельности демонстрирует, насколько им восприняты и усвоены общепризнанные нормы и традиции государственной жизни, как в повседневной активности сочетаются творческие и стереотипизированные приемы реализации ими своих прав и свобод и т. д. Тот же разрыв (противоречие), который складывается между освоенными и неосвоенными человеком нормами политической игры, стандартами гражданского поведения, является важнейшим внутренним источником эволюции и развития политической культуры.

В целом политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные формы политической жизни. Причем такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Так, например, в традиционных обществах (аграрных, построенных на простом воспроизводстве и натуральных связях) политическая культура даже в период реформации,



как правило, поддерживает прежнюю архаическую структуру власти, противодействуя целям модернизации и демократизации политической системы. Такая способность политической культуры хорошо объясняет то, что большинство революций (т. е. стремительных, обвальных изменений) чаще всего заканчивается либо возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения адаптировать новые для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации новых для них принципов политического развития). Во-вторых, политическая культура способна порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, а, в-третьих – комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства⁴.

Роль политической культуры также состоит в снижении стохастичности (случайности, непредсказуемости) политических процессов и рисков – рисков невыгодных, ухудшающих условия деятельности социально-экономических субъектов, решений органов власти⁵. Культурными факторами, связанными с особенностями предшествующего исторического развития, исключительно трудно манипулировать. Политические институты меняются с большей легкостью. Поэтому те, кто озабочен укреплением возможности перехода к стабильному демократическому управлению, сосредоточивают свое внимание на них (культурных факторах)⁶.

В зависимости от культурного потенциала как социально-политического ресурса, согласно С. В. Цирелю⁷, по устойчивости институтов общества делятся на теплые и холодные. Холодные общества – это те общества, где люди договорились о правилах игры (неважно, как они называются – законы, обычаи, традиции, сакральные заповеди и т. д.) и более не нуждаются в налаживании личных отношений для разрешения стандартных ситуаций (наиболее близки к этой дефиниции западные страны и страны Юго-Восточной Азии). В таких обществах основное разнообразие институтов сосредоточено на верхних уровнях их иерархии и предназначено для разрешения сложных ситуаций. Теплые общества (в первую очередь Россия и Латинская Америка) – это те, где люди, наоборот, не сумели договориться об общих правилах и вынуждены компенсировать их отсутствие (иначе говоря, одновременное существование различных правил) личными взаимоотношениями (в том числе коррупционного характера) или временными драконовскими правилами и виртуальной мистической связью каждого с вождем. Отсутствие действенного права вынуждает перманентно обращаться к его первоисточникам, в том числе представлениям о справедливости, поэтому справедливость, часто понимаемая как всеобщее равенство доходов и даже равное бесправие, занимает высокое место в шкале ценностей. И в

то же время отсутствие регулятора справедливости (права, обычая и т. д.) очень часто ведет к большей несправедливости и большему имущественному расслоению, чем в холодных обществах. Следовательно, культурные особенности обуславливают контуры бизнес-общества как политического института. На самом деле высокий уровень коллективизма и дистанцированности от власти, патернализм, система ценностей, характеризующаяся как «наложение», т. е. новые ценности накладываются в виде пласта на уже укоренившиеся нормы и ценности, образуя новые социальные группы с неопределенными правилами поведения и т. д., детерминируют особенности взаимоотношений бизнеса, власти и общества в современной России. Сообразно теоретическим разработкам Г. Хофстеде, дистанцированность от власти – восприятие власти, степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества, института или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти; для культур с большой дистанцированностью от власти (арабские страны, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Россия) характерно восприятие власти как наиболее важной части жизни, преклонение перед начальством; для культур с малой дистанцированностью от власти (Австрия, Дания, США, Германия) характерно построение отношений на основе равенства, уважения к личности. Избегание неопределенности (неприятие неопределенности) – степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации; для стран с большим значением показателя избегания неопределенности типично недопущение неопределенных, неясных ситуаций, стремление к установлению четких правил поведения, доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию, нетерпимость по отношению к людям с иной жизненной позицией, образом мышления; для стран с низким показателем избегания неопределенности характерно проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий, иных точек зрения⁸.

Особое значение для политических институтов имеет легитимность. Понятие легитимности важно во всех культурах. Отсутствие легитимности способно свести на нет влияние культурной, экономической или институциональной составляющих. На степень легитимности могут оказывать влияние культурные представления, но в то же время она зависит от экономических и институциональных факторов, с культурой не связанных. Поэтому легитимность служит мостом между культурными факторами и институциональными переменными⁹. Современный российский бизнес ощущает острый дефицит социокультурной легитимности. В этой связи достаточно интересна логика мысли Ю. Хабермаса. В основе кризиса легитимации лежит кризис мотиваций, который



Хабермас понимает как разногласие между потребностью в мотивах, с одной стороны, и предложением мотива со стороны социокультурной системы, с другой. Кризис системы мотиваций Хабермас понимает как несоответствие между мотивами и потребностями индивида и возможной их компенсацией. Это связано как с недостатком потребительной стоимости для удовлетворения этих потребностей, так и с отсутствием возможностей у государства для их планомерного распределения. «Основное противоречие состоит в недоверии к административным действиям»¹⁰. В странах с многокультурным уровнем ключевую роль также играют социальные нормы. По мнению Харрисона, главное, что надо понять, – это то обстоятельство, что ни капитализм, ни какой-либо другой строй – это не «элемент человеческой природы», но «элемент культуры». Культура формируется под воздействием многих факторов – религиозных, исторических, географических, но сами эти факторы подвержены изменениям и деформации, соответственно, меняется и культура. Здесь важно отметить, что культуры достаточно замкнуты, способностью напрямую изменять факторы, формирующие культуру, обладает лишь общество внутри этой культуры; воздействие извне не может непосредственно влиять на культуру¹¹.

Гвидо Табеллини (Tabellini) провел сравнительный анализ экономических показателей для различных регионов Европы, используя данные социологического исследования «Ценности в мире» («World Values Survey») о доверии, способности определять собственную судьбу и уважении к другим (все это способствует экономическому развитию), а также готовности подчиняться (которая ему препятствует). Исследователь подытоживает следующее: «С указанными культурными особенностями непосредственно связан не только характер экономического развития регионов Европы, но и экономическое и институциональное развитие отдельных стран (на основе широкой выборки)... Таким образом, результат нашего анализа состоит в том, что формальные институты не играют преобладающей роли по отношению к культуре. Напротив, между ними, скорее всего, происходит взаимодействие, определяющее реальное функционирование институтов, влияющее на стимулы и поведение экономических и политических субъектов»¹².

В свете данного контекста особого внимания заслуживает модель общества, представленная в исследованиях А. С. Ахиезера¹³. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов, как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, в деятельности миллионов, внутри самого социу-

ма. Основной объект анализа при этом – раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов: вечевого (соборного, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает невозможность медиации (внутренняя закономерность поиска нового смысла в сфере между полюсами, незначительно воплощенная в русской культуре), но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход между двумя крайними точками инверсии (логика метания между полюсами-абсолютами, игнорирующая смыслоформирующую «середину» и характерная для динамики русской культуры¹⁴) – от вечевого идеала (соборности) к авторитаризму (абсолютизму) и обратная инверсия. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный – в период развития страны и менее удачный – в период катастроф. Именно расколу, по мнению Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных кризисов. При этом основное содержание конфликта – «конфликт двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)», внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, осмысление и, соответственно, преодоление раскола, как полагает Ахиезер, прежде всего, должно быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории, ибо раскол – это состояние общественного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого¹⁵. Логика соответствующих исследований в России такова, что центр внимания постепенно смещается к проблемам социокультурной модернизации.

В XXI в. многие государства с традиционной политической культурой сталкиваются с необходимостью осуществления современных форм преобразований, которые связаны с такими ключевыми понятиями, как «трансформация», «модернизация», «рациональность», «партнерство», «глобализация» и т. д. Именно они определяют степень соответствия происходящих здесь процессов модернизационным преобразованиям, а также содержание, тип и структуру государственности. Показатели традиционной культуры (архаичность, анимизм) и их общие характерные черты (синкретизм, традиционализм, ритуализм) следует рассматривать как отклоняющиеся от культурных норм факторы, которые выступают в качестве пусковых механизмов кризиса культуры в обществах традиционного типа. Здесь в силу вступают предвзятость выборов, нерациональность действий, спонтанность побуждений и т. д. Взаимодействие государства, бизнеса и общества регулируется неформальностью нравов, обычаев, ритуалов, а не правовым законо-



дательством. Подобное взаимодействие является почвой для создания модели девиантной культурной институционализации, в рамках которой традиционная культура выполняет следующие функции: коммуникативную, дезинтегративную, мобилизационную, приспособленческую. Однако все перечисленные функции имеют деструктивный характер и вызывают в обществе своеобразную реакцию, благодаря которой люди готовы пожертвовать собственными потребностями во имя того, чтобы отстаивать нереальные идеи¹⁶.

Одной из ключевых особенностей российского общества является незавершенность в нем процессов социокультурной модернизации, под которой понимается формирование основанного на экономической рациональности типа мышления, принятие характерной для эпохи Модерна системы ценностей и основанных на них институтов¹⁷. В общественном сознании доминирует идея легитимности всевластия государства, и сращенность власти и собственности по-прежнему воспринимается в России как норма. Сохраняется на нормативном уровне и приоритет интересов общности над правами человека и т. д. Тем не менее, в России уже сформировалась достаточно массовая (свыше 20%) группа приверженцев иной нормативно-ценностной модели. Состав этой группы и динамика утверждения новой модели ценностей, регулирующих систему взаимоотношений человек – общество – государство, свидетельствуют о том, что для объяснения процессов, идущих сейчас в России, концепция социокультурной модернизации подходит в большей степени, чем концепция культурных различий цивилизаций¹⁸.

Некоторые исследователи рассматривают политико-культурную ситуацию в современной России как «конфликт демократической формы и авторитарного содержания»¹⁹. В России своеобразие ситуации состоит в том, что уровень противостояния субкультур здесь крайне высок. Длительное и противоречивое влияние различных факторов в настоящее время привело к формированию политической культуры российского общества, которую можно охарактеризовать как внутренне расколотую, горизонтально и вертикально поляризованную культуру²⁰. Политическая культура современной России является синкретичной, так как наблюдается консервация противоречащих друг другу аттитюдов, которые примиряются в обыденности в соответствии с теми или иными условиями. Российскую политическую практику можно охарактеризовать как минимум тремя яркими особенностями. Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим,

практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права. А охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития²¹. Политическая культура характеризуется также «гипертрофированной идеациональностью», ввиду чего прирожденным статусом для нее является идеократическая форма. Для идеократии характерны, например, догматизм, «моноидейная» тоталитарность и консерватизм.

Ввиду вышеизложенного можно констатировать следующее: российская деловая культура является отношенческой, т. е. характеризуется высокой ролью личного фактора, порой даже преобладанием «личного над профессиональным», значительностью «связей и знакомств». Еще более рельефно обосновал этот тезис Эдвард Банфилд²². Им было выдвинуто понятие «аморальной семейственности», которое обозначает культуру, испытывающую недостаток коммунарных ценностей, но при этом поощряющую семейные узы. В обществе аморальной семейственности никто не станет заботиться о групповых или общинных интересах, не имея на то корыстных причин. Здесь почти нет лояльности к «большому сообществу» или уважения к поведенческим нормам, требующим помогать ближним. Иными словами, такого рода семейственность аморальна, она порождает коррупцию и стимулирует отход от универсальных этических установок. По ее логике, хорошо все то, что работает на тебя и твою семью.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в политической культуре современной России преобладают социокультурные разрывы. Если эти разрывы сохраняются продолжительное время, то имплантация института (имеется в виду институт социальной ответственности бизнеса) характеризуется несформированностью и промежуточностью с ярко окрашенными негативными характеристиками. Более того, устойчиво-незавершенный характер «переходного типа» политической культуры, для которого характерны рассогласованность приоритетов в иерархии ценностей, конфликт эндогенных и экзогенных ценностей и институтов, задает контуры этатистской модели социальной ответственности бизнеса. Согласно данной модели в большинстве случаев бизнес-сообщество инициирует социально значимые проекты сквозь призму запросов органов государственной власти, муниципалитетов в отсутствие целесообразной законодательной базы для реализации таких практик. Подобный формат не позволяет бизнес-сообществу вписываться в сложившуюся систему ценностей и социально-политических отношений, становясь эпифеноменом в разрезе мнений общественности.



Примечания

- ¹ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. С. 109.
- ² См.: Тюрин Д. Ф. «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 31.
- ³ См.: Бергер П. Приглашение в социологию. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 2. (Сер. «Гуманистическая перспектива»).
- ⁴ См.: Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М. : Аспект Пресс, 2002.
- ⁵ См.: Глуценко В. В. Политология : системно-управленческий подход. М. : ИП Глуценко В. В., 2008.
- ⁶ См.: Лунсет С. М. Роль политической культуры // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 35–40.
- ⁷ См.: Цирель С. В. Пути к государственности и демократии : исторический анализ «Либеральная миссия». 11.11.2010. URL: <http://www.liberal.ru/article/4939> (дата обращения: 10.10.2014).
- ⁸ См.: Hofstede G. Culture's Consequences : Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks CA : Sage Publications, 2001.
- ⁹ См.: Лунсет С. М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. С. 15–24.
- ¹⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010. С. 72.
- ¹¹ См.: Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М. : Новое изд-во, 2008.
- ¹² Tabellini G. Culture and Institutions : Economic Development in the Regions of Europe. URL: http://ideas.gerpec.org/p/ces/ceswps/_1492.html (дата обращения: 10.10.2014). См. также: Харрисон Л. Культура и экономическое развитие. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/324/> (дата обращения: 10.11.2014).
- ¹³ См.: Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта : в 3 т. М. : Филос. общ-во СССР, 1991.
- ¹⁴ См.: Давыдов А. Профессия : исследователь // Демоскоп Weekly. 2007. № 305–306. URL: <http://demoscope.hse.ru> (дата обращения: 03.05.2013).
- ¹⁵ Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 26.
- ¹⁶ См.: Деметрадзе М. Р. Социокультурные аспекты традиционной политической культуры России (источник девиантного поведения членов современного общества) // Юриспруденция. 2009. № 3 (15). С. 18–30.
- ¹⁷ См.: Вилков А. А., Богданов А. В. Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 68–74.
- ¹⁸ См.: Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России : смена нормативно-ценностной модели. URL: <http://huntington.hse.ru/abs> (дата обращения: 09.09.2012).
- ¹⁹ Механик А. В поисках недостижимого совершенства // Эксперт. 2004. № 1. С. 76.
- ²⁰ См.: Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект Пресс, 2006.
- ²¹ См.: Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». М. : Изд-во «Независимая Газета», 2007.
- ²² См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.). Culture Matters : How Values Shape Human Progress. N. Y : Basic Books, 2000). М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 158–159.

УДК 32.019.52

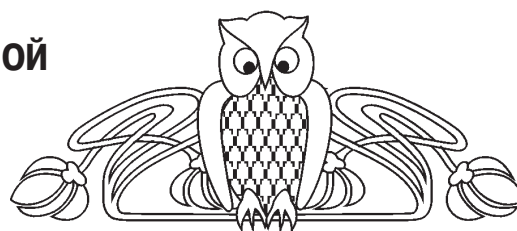
КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТОЛОГОВ

С. В. Дубровская

Саратовский государственный университет
E-mail: dubrik80@mail.ru

Статья посвящена анализу ситуационного обучения как одного из наиболее эффективных методов подготовки профессиональных политологов. Автор выделяет сильные стороны кейс-технологии в процессе освоения теоретического и практического материала.

Ключевые слова: ситуационное обучение, кейс-метод, профессиональная подготовка магистрантов и аспирантов, преимущества использования кейс-метода в процессе обучения.



Case Technology in Professional Training of Political Scientists

S. V. Dubrovskaya

This article analyzes the situational training as one of the most effective methods of training of professional political scientists. The author identifies the strengths of the case in the process of technology development of theoretical and practical material.